ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

И.О. Волков

В.А. ЖУКОВСКИЙ И И.С. ТУРГЕНЕВ (К ВОПРОСУ О ТВОРЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ)

На материале повести И.С. Тургенева «Степной Король Лир» (1870) рассматривается творческая преемственность художественно-эстетических открытий В.А. Жуковского. Обнаруживается связь эмоционально-психологического состояния главного героя с теоретическими положениями статьи «О меланхолии в жизни и в поэзии» (1846). Важным аспектом сопоставительного исследования становится элегическая тональность природного изображения в повести Тургенева, которая со всей очевидностью восходит к поэтике Жуковского («Славянка», 1815).

Ключевые слова: В.А. Жуковский; И.С. Тургенев; «О меланхолии в жизни и в поэзии»; «Славянка»; «Степной Король Лир».

1

Вопрос о существовании творческой преемственности между В.А. Жуковским и И.С. Тургеневым в отечественном литературоведении поставлен. Обыкновенно имя Жуковского встраивают в ряд «романтических имен», из которого выводят художественную традицию, наследуемую Тургеневым в период раннего творчества [1–3]. Однако значение его для писателя гораздо больший масштаб. А.С. Пушкина, близкий друг семьи И.П. Тургенева, воспитатель царя-освободителя, один из ярчайших поэтов начала XIX в. - все это сыграло огромную роль в формировании для Тургенева живого образа Жуковского и, конечно, оставило свой глубокий след в его собственном творчестве.

Знаменитый современник представлялся Тургеневу живым классиком, поэтому и отношение к нему имело особый характер. Поэт, чье творчество обозначило целую эпоху в развитии русской литературы, чей язык «вошел важной составной частью в фонд русского поэтического языка» [4. Р. 208], являл писателю образец высокого искусства слова. Идейноэстетический комплекс романтического мировидения в глубоком соединении с пафосом гуманизма остался навсегда актуален для Тургенева¹.

Проблему «лирического диалога» поэта и писателя на современном этапе разрабатывает К.А. Ефименко. Исследователь обнаруживает очевидную связь думы Тургенева «Вечер» с одноименной элегией Жуковского. Важное проявление сходства К.А. Ефименко видит в «элегическом строе стихотворения, в особенностях интонационного и ритмического строя, в повторяющихся образах и мотивах» [6. С. 2146]. Обращаясь к элегическому опыту Жуковского, Тургенев внутренний мир лирического героя тесно связывает с вопросами надличностного, бытийного характера. В этом сказывается общая специфика восприятия им творческих открытий поэта. Если Жуковский понятия всеобщего делает достоянием индивидуальной духовной жизни, то Тургенев через нравственно-философское осмысление включает личное в содержание общечеловеческого.

О том, что проблема творческого диалога Тургенева с Жуковским требует решения и на материале

прозы, справедливо говорит С.М. Аюпов. В статье «Лирико-романтические традиции В.А. Жуковского в художественном мире И.С. Тургенева. "Дворянское гнездо"» исследователь утверждает, что «анализ стиля, языка, самой словесной ткани романа выявляет принципы его лиризации, ритмизации» [7. С. 83]. Именно лирика Жуковского через многочисленные скрытые цитаты (реминисценции) сыграла «существенную роль в создании особой поэтической атмосферы романа» [Там же]. По утверждению С.М. Аюпова, со всей наглядностью это проявляется в «построении главных образов», композиции и «в создании возвышенно-поэтического строя» [Там же. С. 87].

Проблему традиции Жуковского в романе «Дворянское гнездо» также частично затрагивает В.Г. Щукин. Исследователь полагает, что связанный с образом Лизы Калитиной мотив «тихого ангела» автор заимствует из поэзии Жуковского, обращаясь к категории невыразимого [8].

Н.М. Мовнина находит отзвук «идеального топоса поэзии Жуковского» [9. С. 118] в тургеневской повести «Переписка» (1856). По ее мнению, взгляд главного героя, обращенный в прошлое, опирается на «"исходный" в поэтической традиции комплекс "счастливой молодости" Жуковского» [Там же]. В форме «биографического самопонимания» Алексея Петровича Н.М. Мовнина видит явные признаки элегического [Там же].

При этом важно заметить, что проблема творческой связи позднего Тургенева с эстетикой и поэтикой Жуковского не только не решается, но и не ставится вообще, хотя уже современники писателя находили в его произведениях отголоски художественного мира Жуковского. Так, Н.С. Лесков, критикуя в своей статье «Русские общественные заметки» (1869) новый рассказ Тургенева «Странная история» (на немецком языке, 1869), мимоходом замечает о близости автора к Жуковскому в понимании сверхъестественного («Нечто о привидениях», 1848) [10].

Примечательной является характеристика Жуковского, которую дал А.Н. Веселовский в предисловии к своей известной книге. Исследователь называет его «поэтом кружка» и говорит, что «долгое пребывание за границей отчудило его от движения русской живой

действительности» [11. С. 10]. Такое определение в некотором смысле соотносится с фактами биографии и творчества Тургенева. Писатель в годы юности испытал влияние философии и эстетики кружка Н.В. Станкевича, а в период учебы в Берлинском университете пережил серьезное увлечение немецким идеализмом. Противоречивое отношение к литературно-философским объединениям Тургенев высказывает в рассказе «Гамлет Щигровского уезда» (1848). Он воспроизводит драму мыслящей и чувствующей личности, которая пришла к осознанию своей оторванности «от движения русской живой действительности».

2

Тургенев вступил на поле литературной деятельности в 1834 г. с написанием драматической поэмы «Стено», в которой ясно угадывается следование романтической традиции. Далее следует целый ряд лирических произведений - дума, баллады, поэмы, стихотворения, - отмеченных влиянием А.С. Пушкина [12], М.Ю. Лермонтова [13], Дж. Байрона [14], И.-В. Гёте [15]. Щедрая дань Тургенева романтическим увлечениям в самом начале творчества не была «случайностью в его литературном развитии» [16. С. 13]. Обращение к опыту романтиков оказалось непременным атрибутом в процессе художественного воспитания целого поколения, а для Тургенева эстетика романтизма явилась одним из основополагающих факторов формирования и развития собственной системы словесного искусства.

В романтическом мировидении Тургенев находил для себя «основу жизненного и творческого энтузи-азма» [17. С. 22]. Поэтому совершенно очевидно, что особенности романтического восприятия действительности и, соответственно, ее художественного моделирования оставили свой отпечаток на всем многообразии его творчества [18. С. 47–63]. Следуя в начале своего пути по «тропе романтизма», писатель, безусловно, не мог пройти мимо «литературного Коломба Руси, открывшего ей Америку романтизма в поэзии» [19. С. 460].

В шестнадцатилетнем возрасте, будучи студентом Санкт-Петербургского университета, Тургенев не только хорошо усвоил принципы романтического жизнетворчества В.А. Жуковского², но даже успел свести личное знакомство с поэтом³ — «изящным и одаренным тонким музыкальным чувством» [21. Т. 12. С. 510], по его собственному признанию. Примечательно, что Варвара Петровна Тургенева, гордившаяся тем, что близкий ко двору Жуковский входит в круг ее знакомых, в письмах к сыну Ивану часто цитирует (иногда не совсем точно) строки знаменитого поэта [22].

Эстетика Жуковского прочно вошла в сознание писателя — многие стихотворения он знал и читал наизусть, вел беседы о природе творческого дара поэта. В начале 1837 г. Тургенев присутствовал на литературном вечере у П.А. Плетнева, где в числе прочего проходило обсуждение поэзии Жуковского, его перевода «Ундины» Ла Мотт-Фуке.

Особенно восхищался Тургенев изумительным талантом Жуковского-переводчика, словно заново воссоздающего первоисточник. В рецензии на перевод «Вильгельма Телля», выполненный Ф.Б. Миллером (1843), Тургенев замечает: «...переводчики, подобные Жуковскому, появляются слишком редко» [21. Т. 1. С. 194]. А в другой критической статье о переводе «Фауста» М.П. Вронченко (1845) он заключает: «Они одарены глубоким и верным пониманием красоты, уже выраженной другим, способностью поэтически воспроизводить впечатления, производимые на них любимым их поэтом; элемент восприимчивости преобладает в них, и собственный их творческий дар отзывается страдательностью, необходимостью опоры. Они по большей части бывают люди с тонким вкусом, с развитой рефлексией. Таков был Шлегель, таков был и Фосс. Невольная симпатия привлекает их к тому поэту, которого они стараются передать (вспомним о Жуковском и Шиллере); всякий хороший перевод проникнут любовью переводчика к своему образцу, понятной, разумной любовью, то есть читатель чувствует, что между этими двумя натурами существует действительная, непосредственная связь...» [Там же. Т. 11. С. 228].

В конце 1860-х гг. Тургенев сблизился с сыном Жуковского, Павлом Васильевичем, вступил с ним в живую переписку. Именно в этот период писатель внимательнейшим образом изучал вышедший «Очерк развития поэтической деятельности В.А. Жуковского» (1869) Карла Зейдлица. Спустя год очерк в дополненном варианте вышел отдельной книгой [23], которую Тургенев получил в подарок от самого автора. В письме Бернгарду Бере писатель замечал о ней: «Она столь же интересна, как и красиво издана» [20. Т. 10. С. 468]. В 1875 г. сын поэта, выражая свою признательность, подарил Тургеневу перстень А.С. Пушкина с печаткой-надписью на иврите⁴. В том же году писатель своеобразным посредником М.М. Стасюлевичем и Павлом Васильевичем в деле по подготовке публикации избранных произведений В.А. Жуковского в книжной серии «Русская библио-

Таким образом, Жуковский органично вошел в художественно-эстетическое сознание Тургенева. Через него он усвоил «стремление уловить неуловимое, тщательное всматривание в природу, мотив невыразимого...» [25. С. 95]. Своеобразная предрасположенность писателя к романтической эстетике, понимаемой как целостность художественно-философского мира, была важным явлением в формировании собственной концепции литературного творчества. Поэзия Жуковского для Тургенева олицетворяла гармоническое единство художественного образа и способа его воплощения. Первый русский романтик в сознании писателя воплощал основные ценности европейского романтизма.

Прозаическим произведениям Тургенева элементы романтического придают особый качественный характер. Романтическое мирочувствие, источником которого «является сама жизнь — осердеченная мысль», у писателя «органично сливается с принципами реалистического изображения» [26. С. 4–5].

Примером подобной эстетической гармонии явился рассказ «Яков Пасынков» (1855). Образ главного героя, соединяющий в себе черты Н.В. Станкевича и В.Г. Белинского, со всей очевидностью раскрывает тот пиетет, с каким автор относился к своему романтическому прошлому. Кроме того, Тургенев говорит здесь о романтизме как о достоянии не только личного бытия, но и всей культуры. Многозначительно цитирование Яковом Пасынковым заключительных строк стихотворения И.И. Козлова «К другу В<асилию> А<ндреевичу> Ж<уковскому>» (1825).

3

Влияние романтической эстетики Жуковского на прозу Тургенева исключительно. Творческое наследие поэта, где «глубоко раскрывается сложность человеческих переживаний, стремление к нравственному и эстетическому идеалу, печаль от сознания несовершенства жизни» [27. С. 82], во-первых, оказало воздействие на особый лирический характер эпических произведений Тургенева, а во-вторых, способствовало оформлению нравственно-философской линии в способах осмысления человеческой личности. Ярким проявлением такого лирико-философского развития прозы Тургенева позднего периода творчества стала повесть «Степной Король Лир» (1870).

В произведении 1870 г. Тургенев по художественной канве трагедии У. Шекспира моделирует историю обыкновенного степного помещика, чей внешний и внутренний мир исполнен глубоких противоречий. Главный герой Мартын Петрович Харлов по масштабу своих притязаний находится в истинно трагическом положении шекспировского Лира. Он ощущает себя королем «от головы до ног» [28. С. 143], поместье приравнивает к державе, а власть над имением и его обитателями оказывается подобна безграничному могуществу древнего монарха Британии.

На первый план в характере Мартына Харлова выдвигаются две определяющие черты — страсть гордыни и страх смерти. Их столкновение и борьба внутри чувствующего мира героя терзают и причиняют огромные страдания, в итоге получающие трагическую развязку. Гордыня Харлова исходит от твердого сознания природности своего величия, унаследованного от далекого предка «вшеда Харлуса»: «...не силою своею он гордился, а своим званием, происхождением, своим умом-разумом» [21. Т. 8. С. 160]. Другая же сторона его нравственного облика тесно связана с состоянием меланхолии: «...на этого несокрушимого, самоуверенного исполина находили минуты меланхолии и раздумья» [Там же. С. 164].

Описание меланхолического настроя Харлова, его причин и следствий очень точно совпадает с определением сущности меланхолического самочувствия человека, которое было предложено Жуковским в статье «О меланхолии в жизни и в поэзии» (1846)⁵.

«Одно из важнейших понятий сентиментальноромантического миросозерцания» [30. С. 513] Жуковский в 1840-е гг. осмысляет с позиции христианства: «Я говорю здесь в смысле христианина» [31. Т. 12. С. 385]. Вступая в спор с Ж. де Сталь, которая утверждает, что христианство открыло для литературы «мощные средства воздействия на читателя, таящиеся в меланхолии» [32. С. 158], Жуковский отвергает принадлежность меланхолии к христианской вере и противопоставляет ей скорбь. По определению поэта, меланхолия — это «грустное чувство, объемлющее душу при виде изменяемости и неверности благ житейских, чувство или предчувствие утраты невозвратимой и неизбежной» [31. Т. 12. С. 383].

Называя меланхолию «элементом (курсив Жуковского. — И.В.) мира древнего» [Там же. С. 386], он тесно связывает ее с категорией смерти. По мысли Жуковского, человека античности (язычника) неизменно тяготила мысль о неминуемом конце жизни, и поскольку он не находил духовного утешения своим гнетущим размышлениям, ему приходилось все больше погружаться в мир удовольствия и наслаждения. Результатом, а также подтверждением этого «искусства употребления жизни» [Там же. С. 387] стали поэзия и скульптура.

Скорбь же, как утверждает Жуковский, есть признак христианского мира, это печаль души, которая томима «внутренней болезнию, из самой души истекающею» [Там же. С. 385]. В этом оказывается одно из главных отличий меланхолии от скорби. Если первая извлекается «из неверности, непрочности и ничтожности всего житейского, ничем не заменяемого по утрате его» [Там же. С. 386], то вторая исходит исключительно из свойств внутреннего характера. По Жуковскому, скорбь – это своеобразное самосознание падшей души, ее рефлексия над сомнением и неверием. По своей сути она является эволюцией меланхолии, следствием ее серьезной трансформации под влиянием христианства. Но в ходе этого изменения связь с мортальной семантикой не утрачивается, а приобретает дополнительные аспекты.

Со статьей Жуковского Тургенев, по всей видимости, ознакомился после ее первой публикации в «Русской беседе» в 1856 г. Из Жуковского в этом номере были также опубликованы стихотворение «Розы» (1852) и статья «Нечто о привидениях» (1848). Писатель в этот период проявлял активный интерес к новому периодическому изданию, организованному при непосредственном участии братьев Аксаковых. В его Спасской библиотеке сохранились все номера журнала за 1858 г.

Мучительный страх смерти становится ключевым моментом меланхолических терзаний героя Тургенева. Состояние уныния, которое наступает совершенно неожиданно и продолжается длительное время, автор прямо связывает с боязнью лишиться всего и бездной тягостной неизвестности, открывающейся перед человеком. В приступе меланхолии Харлов практически в полном одиночестве запирался в своей комнате «и гудел – именно гудел, как целый пчелиный рой» [21. С. Т. 8. С. 164]. Он предается мучительным размышлениям «о бренности, о том, что все пойдет прахом, увянет, яко былие; прейдёт – и не будет!» [Там же. С. 165].

Неизменными атрибутами, окружающими Харлова в эти моменты чрезвычайного нравственнофилософского напряжения, оказываются три символических предмета. Во-первых, «заунывная песенка» народного характера, которую своему «королю» исполняет верный казачок Максимка, - в финальных звуках этой песни ясно слышится мотив убийства: «О... у... у... би... и... и... иа!» [21. Т. 8. С. 165]. Вовторых, «картинка, изображавшая горящую свечу, в которую со всех сторон, напрягши щеки, дуют ветры» - внизу ее стояла восклицающая фраза «Такова жизнь человеческая!» [Там же]. Автор многозначительно замечает, что в обычное, «не меланхолическое» время герой предпочитал не смотреть на эту картинку и отворачивал ее к стене - «чтобы не смущала» [Там же]. Наконец, в третьих, это масонский журнал Н.И. Новикова «Покоящийся трудолюбец», который читает Мартыну Петровичу его юный «оруженосец». Моделируя в повести сцены чтения этого масонского издания, Тургенев цитирует два небольших отрывка из двух статей и дает к ним подробные сноски⁶.

Акцент на меланхолические страдания Харлова в повести ставится несколько раз, причем делается это двумя ключевыми персонажами: во-первых, героемрассказчиком, юношей пятнадцати лет — это непосредственный впечатлительный наблюдатель всех перипетий судьбы «степного Лира»; во-вторых, Натальей Николаевной Б., «благодетельницей» Харлова, наиболее близким к нему человеком, к которому он испытывает исключительное доверие.

В главе X повести главный герой появляется в доме Натальи Николаевны, чтобы объявить свое решение о разделе имения. Матушка рассказчика, отмечая необычность его настроения и поведения, крайнюю озадаченность, дважды предполагает, что виной всему меланхолия: «Али опять меланхолия на тебя нашла?» [Там ж. С. 174], «Всему этому, я полагаю, твоя меланхолия причиной» [Там же. С. 177]. Эти предположения Харлов решительно отвергает, а в последнем случае загадочно замечает: «Тут, быть может, свыше сила действует, а вы: меланхолия!» [Там же].

Но прежде чем перейти к собственно рассказу о своем намерении, Харлов задает Наталье Николаевне вопрос, объясняющий его неожиданное появление и встревоженное состояние. Между героями происходит следующий микродиалог:

«...а позвольте вас спросить, сударыня, вы о смерти как полагаете?

Матушка всполохнулась.

- О чем?
- О смерти. Может ли смерть кого ни на есть на сем свете пощадить?
- Это ты еще что вздумал, отец мой? Кто из нас бессмертный? Уж на что ты великан уродился – а и тебе конец будет.
- Будет! ох, будет! подхватил Харлов и потупился» [Там же. С. 174].

Из этого отрывка очевидно, как сильно героя гнетет страх смерти, который в результате и послужил причиной поспешного раздела имения. Кроме того, из-за своей суеверной природы Харлов принимает сон о «вороном жеребенке» за предзнаменование скорого конца жизни: «предостережение мне было» [Там же. С. 181]. Страх тургеневского героя перед фактом смерти во многом основан на отмеченных Жуковским

«неверности благ житейских» и «предчувствии утраты невозвратимой и неизбежной» [31. Т. 12. С. 383]. По мысли Жуковского, человеку (мира античности) было свойственно страдать меланхолией, поскольку он осознавал для себя «незаменяемость здешней жизни, раз утраченной» [Там же. С. 383]. То есть он пребывал в действительности, которая не предполагала для него надежды на духовное спасение - это существование без твердого религиозного убеждения в бессмертии души. Именно в такой ситуации отсутствия абсолютной уверенности в обязательном духовном преображении для грядущего прошла вся сознательная жизнь Харлова, который фактом своего рождения застал век Просвещения. Герой оказывается вне христианской (православной) веры, соответственно, он не мыслит для себя нового, внеземного этапа после смерти.

Показательно, как Харлов прерывает меланхолический припадок — он противопоставляет мучительным раздумьям одно из любимых своих занятий — лихую езду: «начнет посвистывать — и вдруг громогласным голосом прикажет заложить себе дрожки и покатит куда-нибудь по соседству, не без удали потрясая свободной рукою над козырьком картуза» [21. Т. 8. С. 165]. Усиливая смысловую значимость харловского отрицания и пренебрежения, в которых ясно обозначилась мощь характера, автор использует в описании фразеологизм «все трын-трава» [Там же].

Такое знаковое «противление» Харлова соответствует мыслям Жуковского: «отвратив глаза от Парки» [31. Т. 12. С. 387], человек стремился найти утешение в радостях жизни. Признавая свое бессилие перед бытийными законами и не имея серьезной духовной опоры, он заслоняет страх ожидания смерти доступными ему удовольствиями земного существования. В то же время в повести Тургенева подчеркивается глубоко национальная природа удалого отрицания Харлова: описывая способ выхода героя из меланхолического состояния, повествователь многозначительно замечает: «Русский был человек!» [21. Т. 8. С. 165]. Это авторское стремление к типизации характера нового, пореформенного времени.

В ходе развития повествовательного действия меланхолия Харлова переживает сущностную модификацию – настрой героя трансформируется в глубокую скорбь. Путь к такому изменению был продиктован содержанием журнала Новикова, который вносит в понимание смерти дополнительную интерпретацию смерть как осознание слабости и порочности собственной души, греховности своей земной жизни. Поэтому из чтения масонского журнала герой выносит для себя своеобразную программу необходимого духовного совершенствования. Идеи серьезной нравственной работы и внутреннего созидания, изложенные в статье Жуковского, также невозможно глубоко осмыслить без учета масонского контекста. Поэт нашел «синтез философского и психологического начал», во многом «отталкиваясь от принципов масонской антропологии» [34. С. 188].

По Жуковскому, христианская скорбь как осознание человеком своей падшей природы ведет человека «к светлому миру и смирению» [31. Т. 12. С. 390].

Именно такого результата пытается в своих исканиях достичь Харлов: он сбрасывает «заботы трудной царской власти» [28. С. 51], чтобы «без ноши на плечах плестись ко гробу» [Там же], разделяет степное имение, желая «о душе помыслить и к смертному часу как следует приготовиться» [21. Т. 8. С. 188].

Представляя скорбь как непрестанную работу души по обретению веры и гармонии, Жуковский указывает и на то, что она может без должного усердия привести «к унынию и отчаянию» [31. Т. 12. С. 390], может быть «разрушительна и убийственна» [Там же. С. 385]. Этот аспект ярко реализуется в повести Тургенева: герой не справляется с намеченной для себя «программой» внутреннего совершенствования, терпит абсолютный крах. В момент высокого напряжения происходит новый перелом в психологическом состоянии Харлова – кротость и безропотность резко сменяются мятежной борьбой, «взрывом», в результате которого гордая природа героя вырывается наружу.

Такой акт «личного бунта» Жуковский называет отрицанием и в качестве яркого примера проводит два образа: Дж. Байрона и Сатану (Дж. Мильтон «Потерянный рай»). Подробно останавливаясь на последнем, поэт видит его губительную силу именно в проявленном высокомерии: «он все отверг по гордости» [Там же. С. 390]. Здесь уместно вспомнить примечательное высказывание Тургенева из его письма П. Виардо (от 19 декабря 1847 г.). Писатель, восхищенный «Поклонением кресту» П. Кальдерона, восклицает: «Тем не менее я предпочитаю Прометея, предпочитаю Сатану, образец возмущения и индивидуализма. Как бы мал я ни был, я сам себе владыка; я хочу истины, а не спасения; я чаю его от своего ума, а не от благодати» [20. Т. 1. С. 377].

Таким образом, изменение сложного психологического состояния Харлова, его качественная градация — от уединенной меланхолии к скорби и яростному отрицанию — значимо перекликается с содержанием статьи Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии». Тургенев во многом выстраивает путь духовного движения своего героя по нравственнофилософской траектории, обозначенной поэтом.

Особым сходством также отмечены авторские позиции в статье и повести. Жуковский строит рассуждение не на абстрактной теории, но подкрепляет свои мысли примерами и доводами, прямо соотносящимися с категорией искусства, областью словесного творчества. Он «пытается раскрыть природу меланхолии в романтизме, связать ее с психологическими открытиями в поэзии» [30. С. 513]. Вопросы неувядаемости души, нравственного совершенствования человека, значения смерти решаются поэтом в непосредственной связи с размышлениями о сущности поэзии, искусства вообще. Форма выражения Жуковским своих идей, безусловно, связанных с традицией русского масонства, избавлена от сурового догматизма. Интересно привести заметку поэта из его записной книжки (от 6 декабря 1807 г.): «Я не понимаю тех философов, которые беспрестанно говорят: помни смерть (курсив Жуковского. – И.В.), жизнь ничто; желания, удовольствия - все мечта. Если смерть есть прекращение жизни, то могу ли забыть, могу ли отвергать то сокровище, которое дано мне на краткое время, однажды которое утратив, утрачу навеки и никогда не заменю. Если же смерть есть только переход к бессмертию, то жизнь составляет существенность бессмертия и не может и не должна быть забыта. Напротив обрати на нее внимание, чтобы ее сделать бессмертия достойною» [31. Т. 13. С. 49].

Позиция Жуковского, ее гуманистический характер, важная проблема духовного воспитания, которая «была основой теории жизнестроения» [35. С. 109], не могли не вызвать сочувственного отношения со стороны Тургенева. Во-первых, писателю был интересен нравственно-этический и философский пафос идеи совершенствования человеческой личности. Вовторых, нравственное развитие человека, его «духовное образование» также мыслились им в тесном контакте с областью искусства. Подобно Жуковскому Тургенев не может принять чрезмерной аскетической направленности идей и учений о смысле жизни и смерти, природе души. Такой окраской, в частности, отличается содержание масонского журнала «Покоящийся трудолюбец», который подчеркивает сложность образа главного героя тургеневской повести. Явная ирония по отношению к идее абсолютного «упразднения» действительного существования личности точно характеризует точку зрения автора.

4

Другой аспект творческого восприятия Тургеневым художественно-эстетических открытий Жуковского основан на особом характере лиризма его прозы. В частности, это касается тонкой поэтической тональности в оформлении пейзажных картин. Повесть «Степной Король Лир» в этом смысле дает очень яркий пример изображения природы в состоянии тишины и спокойствия — самое начало главы XVIII.

Зарисовка представляет собой небольшой фрагмент, состоящий всего из нескольких предложений, но малость текстового пространства разворачивается в насыщенную картину ясного осеннего дня в роще. Сжатое изображение создает эффект активного восприятия, развернутого впечатления. Герой-охотник воспроизводит конкретность собственных ощущений от нахождения в небольшом природном топосе.

Прежде всего повествователь обращает внимание на исключительность тишины, царящей вокруг, которая делает явным и особенно выразительным любой незначительный шорох: «Тишь стояла такая, что можно было за сто шагов слышать, как белка перепрыгивала по сухой листве» [21 Т. 8. С. 195]. Это именно та живая тишина, которая делает для человека предельно ощутимым восприятие природного мира и открывает особое состояние, преисполненное спокойствия, величия, но хранящее в себе недоступную тайну. В этом активном безмолвии проявляется возможность гармонической связи между человеком и природой. Очевидно, что Тургенев здесь наследует традицию одного их «характернейших для Жуковского образов» [27. С. 202]. В его лирике (см. например, элегию «Вечер») природная тишина, далекая от семантики увядания или угасания, сливается с тишиной человеческой души. Она оказывается символом духовного единения и даже объединения природного и человеческого.

В описании Тургенева образ тишины осложняется введением значимой дополнительной детали. Акцентируя качественный характер наблюдаемой бесшумности, повествователь прорисовывает звуковую осязаемость падения оторвавшегося сучка: «...сперва слабо цеплялся за другие ветки и падал, наконец, в мягкую траву» [21. Т. 8. С. 195]. Такое сосредоточенное внимание к нисходящему движению обыкновенной веточки просто не может не отсылать к подобному изображению в «элегии панорамного типа» [36. С. 148] «Славянка» (1815). Падение сучка в мягкую траву генетически восходит к строкам Жуковского: «Лишь, сорван ветерка минутным дуновеньем, / На сумраке листок трепещущий блестит, / Смущая тишину паденьем...» [31. Т. 2. С. 21]. Шум от падения листка, услышанный поэтом, - это «начало новой эры в лирике» [27. С. 105], Жуковский открывает значимые конкретности природного мира и прямо соотносит их с непосредственным впечатлением человека⁷.

Наблюдение за падением сучка Тургенев нагружает философским смыслом, плавно продолжая описание элегическим размышлением герояповествователя. Путешествующий охотник замечает, что сучок «падал навсегда: он уж не шелохнется, пока не истлеет» [21. С. Т. 8. С. 195]. Образ навсегда упавшей сухой ветки и размышление о ее дальнейшей участи исполнены ощущением неизбывной грусти. Здесь интересно привести высказывание Тургенева из письма П. Виардо (от 1 мая 1848): «Странное впечатление природа производит на человека, когда он один... В этом впечатлении есть осадок горечи (здесь и далее курсив мой. – II.B.), свежей, как благоухание полей, немного меланхолии, ясной, как бывает в пении птиц ... Я без волнения не могу видеть, как ветка, покрытая молодыми зеленеющими листьями, отчетливо вырисовывается на голубом небе – почему? Да, почему? По причине ли контраста между этой маленькой живой веточкой, колеблющейся от малейшего дуновения, которую я могу сломать, которая должна умереть, но которую какая-то великодушная сила оживляет и окрашивает, и этой вечной и пустой беспредельностью, этим небом, которое благодаря земле сине и лучезарно?» [20. Т. 1. С. 392].

Хотя наблюдение малой смерти в природном мире лишено трагического звучания, так как это лишь часть естественного цикла, за которым последует новое рождение, оно все же ассоциативно наводит на осознание факта неминуемого ухода в сфере человеческого существования. Такие мысли ясно прослеживаются и в «Славянке» Жуковского, в частности поэт замечает: «Все здесь свидетель нам, сколь блага наших дней, / Сколь все величия мгновенны» [31. Т. 2. С. 21]. Однако тягостные раздумья лирического героя в элегии сменяются вновь открывающейся картиной природы, словно примиряющей человека с неотменяемыми законами жизни.

Очень старательно Тургенев работает над описанием воздуха, особенного ощущения от своеобразного в него погружения. Это ярко проявлено на этапе

чернового автографа ^{8} , когда писатель, будто подчеркивая эфирное свойство окружающего пространства, дважды прибегает к сравнению с парным молоком и дважды же вычеркивает его: « ^{ни} тёплый, ни свежий как парное молоко» и « ^{про} обливался $^{\text{парным молоком молок$

Автор стремится в словесной форме воспроизвести необычайные свежесть и легкость природного состояния («пахучий и несказанно лёгкий уж такой унесказанно легкий ун словно унесказанно легкий ун словно унесказанику, захватывают все его физическое существо («и кругом головы и глаз унивался в грудь и гру рук и всего тела щек и глаз») [Ibid.]. Позже писатель дополняет чувствительную невесомость природного пространства еще одним элементом: «Тонкая, как шелковинка, с белым клубочком посередине, длинная паутина плавно налетала и, прильнув к стволу ружья, прямо вытягивалась по воздуху» [21. Т. 8. С. 195].

Парное свойство воздуха, неопределенность его характеристики - «ни теплый, ни свежий» и предельная физическая ощутимость ассоциативно напоминают образ тумана, широко распространенный в словесной традиции романтизма⁹. В русской литературе именно поэтические тексты Жуковского оказываются «насыщены мотивом тумана как ничьи другие» [38. С. 231], а туманный пейзаж – это «одна из самых ярких примет» его поэтической стилистики [Там же]. Однако в зарисовке Тургенева «туманный воздух» лишен романтической конкретики, т.е. он не связан исключительно с понятиями мечты, призрачности, таинственности, унылости. Здесь больше подчеркивается впечатлительная природа героя-рассказчика, особая чуткость его восприятия, которая олицетворяет своеобразный живой диалог человека и природы. В этом очевиден след натурфилософской эстетики Жуковского.

Показательно, как завершается пейзажная зарисовка у Тургенева - она заключается элегическим замечанием о мягком солнечном свете, подобном лунному: «Солнце светило, но так кротко, хоть бы луне» [21. Т. 8. С. 195]. Кротость света и его сравнение со свечением луны оказываются эстетической памятью о «романтической селенологии», носителем идей которой «в России стал прежде всего В.А. Жуковский» [39. С. 55]. Здесь отзываются таинственность и печальное предчувствие романтического ощущения от созерцания луны, ее сияния 10. Не случайно рассказчик, отметив необычную мягкость солнечного света и указав на его лунную природу, после выхода из рощи тут же наталкивается на дочь и зятя Харлова. До слуха героя-повествователя доносятся слова Евлампии и Слёткина, явно свидетельствующие о скрытом жестоком замысле:

- $\ll$ Так бы ты и сказал, послышался женский голос.
- Толкуй! перебил другой голос, голос мужчины. Нешто можно все разом?» [21. Т. 8. С. 195].

Подобно установке Жуковского (в частности, послание «Подробный отчет о луне», 1820), лунная фи-

лософия переводится в сферу этической рефлексии. Образ луны оказывается знаком «чувственного предвидения» рассказчиком дурных намерений харловского семейства, направленных против «степного Лира».

Таким образом, живописный рисунок Тургенева несет на себе явный отпечаток романтических открытий Жуковского. Движение героя-рассказчика по роще, сопряженное с созерцательно-описательным действием, не может не отсылать к его поэзии — «зримой и вещественной в своей сюжетно-описательной основе» [36. С. 148]. Творческая преемственность изображения заключается, во-первых, в характере живописания, особенностях создания объемной по своему содержанию картины природы. Внимательный взгляд лирического героя повести Тургенева, отмечающий мельчайшие проявления природного мира и живо передающий их динамику, непосредственно восходит к «вещественной пластике» [Там же. С. 153] элегического рисунка Жуковского.

Во-вторых, значимым оказывается сходство чувственного восприятия путешествующего субъекта. Элегическая тональность пейзажа оформляет специфику душевных переживаний его непосредственного наблюдателя. Юноша-охотник в своей чистой непосредственности и открытости в высшей степени оказывается способен к чуткому созерцанию малейших

природных метаморфоз, которые он неизменно пропускает через личное переживание. Предельное вслушивание и пристальное вглядывание в жизненные процессы мира природы, проходящие в тесном контакте с ощущениями души, дают человеку возможность понять и на мгновение принять утраченную гармонию. «Атмосфера таинственных предчувствий» [36. С. 153], охватывающая лирического героя «Славянки», в конкретном мирочувствии героя Тургенева воплощается через яркую уточняющую деталь — печальную участь упавшего сучка. Обозначенный здесь элемент драматического предчувствия далее в повести развернется в контрастном описании бурной стихии, которое органично включается в парадигму шекспировской образности.

В итоге оказывается совершенно очевидным, что «масштаб личности Жуковского, размах его деятельности, литературно-художественной и общественнопросветительской» [40. С. 3], был органично воспринят Тургеневым и повлиял на некоторые особенности формирования его собственного творчества. «Эстетическая память» о романтических открытиях «литературного Коломба» во многом давала писателю возможность лирического обобщения и изображения, а также этико-философского осмысления важнейших проблем человеческого существования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Интересно сопоставить значение эстетических принципов Жуковского для Тургенева с особенностью того «творческого обаяния», под которым находился Н.В. Гоголь [5].
- ² В 1831 г. Тургенев в письме к дяде отмечает понравившиеся ему строфы из послания Жуковского «К Воейкову» и цитирует их [20. Т. 1. С. 126, 128].
- ³ Описание своей весьма примечательной встречи с Жуковским Тургенев поместил в «Литературных и житейских воспоминаниях» (1854–1883) [21. Т. 11. С. 68].
- ⁴ Осенью 1880 г. Тургенев предоставил перстень для Пушкинской выставки в Петербурге, сопроводив его запиской: «Перстень этот был подарен Пушкину в Одессе княгиней Воронцовой. Он носил почти постоянно этот перстень (по поводу которого написал свое стихотворение «Талисман») и подарил его на смертном одре поэту Жуковскому. От Жуковского перстень перешел к его сыну, Павлу Васильевичу, который подарил его мне» [21. Т. 12. С. 375]. История пушкинского перстня со всей подробностью изложена в специальной статье Т.И. Краснобородько [24].
- ⁵ По указанию М.И. Гиллельсона, статья по своему происхождению почти полностью составляет содержание письма В.А. Жуковского к П.А. Вяземскому, за исключением начальной и финальной частей [29].
- ⁶ Тургенев цитирует статьи «Рассуждение о беспорядках, производимых страстями в человеке, и о средствах, какие в таких случаях употреблять должно» и «Письмо с того света в Москву от Муимиага к сыну малыя земли Муравью, живущему в Муравейнике» [33].
- Образ падающего листка из «Славянки» Жуковского Тургенев использует уже в думе «Вечер»: «листа неслышное паденье» [21. Т. 1. С. 9].
   При работе с черновым автографом повести «Степной Король Лир» для маркирования правок, которые произвел И.С. Тургенев, были использованы следующие условные обозначения:
   \(\begin{align*} \text{Peximal} = \text{знак вставки} \\ \end{align*} \) енльным знак зачёркивания;
   \(\frac{\text{6-лиралея}}{\text{1-лиралея}} \) знак восстановления.
- ⁹В повести «Призраки» Тургенев использует сравнение с «полупрозрачным, молочным туманом» [21. Т. 7. С. 193].

  ¹⁰ Весьма примечательно, что Харлов в беседе с Натальей Николаевной говорит: «Она [меланхолия] у меня к новолунию бывает» [21. Т. 8. С. 174].

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Ямпольский И.Г. Поэзия И.С. Тургенева // Тургенев И.С. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1970. С. 5-59.
- 2. Захарченко Н.А. Лирическое начало в творчестве И.С. Тургенева 40-50-х годов XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 226 с.
- 3. Дубинина Т.Г. Пушкинские традиции в творчестве И.С. Тургенева 1840-х начала 1850-х годов : дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 203 с.
- 4. Топоров В.Н. «Сельское кладбище» Жуковского: к истокам русской поэзии // Russian Literature. 1981. Vol. X. P. 207–286.
- 5. Смирнова Е.А. Жуковский и Гоголь. (К вопросу о творческой преемственности) // Жуковский и русская культура : сб. науч. тр. Л. : Наука, 1987. С. 244–260.
- 6. Ефименко К.А. Трансформация содержания и поэтики мотива вечера в лирике И.С. Тургенева // Сборник научных статей Международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае»: фундаментальные проблемы науки и образования. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 2145–2150.
- 7. Аюпов С.М. Лирико-романтические традиции В.А. Жуковского в художественном мире И.С. Тургенева. «Дворянское гнездо» // Романтизм и его исторические судьбы: материалы междунар. науч. конф. (VII Гуляевских чтений), 13–16 мая 1998 г.: в 2 ч. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1998. Ч. 1. С. 83–87.
- 8. Щукин В.Г. Тихий Ангел. К истории одного из константных мотивов русской литературы. Статья Вторая. Невыразимое: от Жуковского к Тургеневу // Имагология и компаративистика. 2014. № 2. С. 70–91.
- 9. Мовнина Н.С. Поэтика тургеневской повести 1850-х годов: к проблеме взаимодействия поэзии и прозы в русской литературе : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 156 с.

- 10. Лесков Н.С. Собрание сочинений: в 11 т. М.: ГИХЛ, 1958. Т. 10. С. 72-96.
- 11. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904. 546 с.
- 12. Фридман Н.В. Поэмы Тургенева и пушкинская традиция // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1969. Т. XXVII, вып. 3. С. 232–243.
- 13. Глухов А.И. Лермонтовская традиция и поэмы И.С. Тургенева // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1981. № 6. С. 11–18.
- 14. Николаев Н.И. «Манфред» Байрона и «Стено» Тургенева. К вопросу о характере подражания русского писателя // Проблемы культуры, языка, воспитания. Архангельск, 2004. Вып. 6. С. 86–90.
- 15. Гутман Д.С. Тургенев и Гёте // Ученые записки Елабужского государственного педагогического института. 1959. Т. 5. С. 149–183.
- 16. Бялый Г.А. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л.: Сов. писатель, 1990. 640 с.
- 17. Гражис П.И. Тургенев и романтизм. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1966. 50 с.
- 18. Пустовойт П.Г. И.С. Тургенев художник слова. М.: Изд-во МГУ, 1987. 301 с.
- 19. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 6. 797 с.
- 20. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. М.: Наука, 1981.
- 21. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. М.: Наука, 1978–1986.
- 22. «Твой друг и мать Варвара Тургенева»: письма В.П. Тургеневой к И.С. Тургеневу (1838–1844). Тула: Гриф и К., 2012. 584 с.
- 23. Seidlitz K. Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben. Mitau: E. Behres Verlag, 1870. 240 S.
- 24. Краснобородько Т.И. «Жаль кольца...» (невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня-«талисмана») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб., 2012. С. 5–29.
- 25. Ефименко К.А. В.А. Жуковский и И.С. Тургенев: два «Вечера» // Коммуникативные аспекты языка и культуры: XIV Междунар. науч. практ. конф. студентов и молодых ученых: сб. материалов. Томск: Изд-во Том. политехн. ун-та, 2014. Ч. 1. С. 90–95.
- Курляндская Г.Б. Романтика в реалистических произведениях И.С. Тургенева // Спасский вестник 13 : сб. ст. Спасское-Лутовиново, 2006. С. 4–15.
- 27. Семенко И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худож. лит., 1975. 254 с.
- 28. Король Лир : трагедия в пяти действиях Шекспира / пер. А.В. Дружинина. СПб., 1857. 176 с.
- 29. Гиллельсон М.И. Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского (1842–1852) // Памятники культуры : новые открытия : ежегодник 1979. Л. : Наука, 1980. С. 34–75.
- 30. Янушкевич А.С. Примечание к статье В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии» // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2012. Т. 12. С. 513–514.
- 31. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 1999.
- 32. Сталь Ж. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. М.: Искусство, 1989. 475 с.
- 33. Волков И.О. Идеи русского масонства в творчестве И.С. Тургенева 1870-х гг. // Вестник Томского государственного ун-та. 2017. № 415. С. 5–11.
- 34. Янушкевич А.С. В.А. Жуковский и масонство // Масонство и русская литература XVIII начала XIX в. / отв. ред. В.И. Сахаров. М.: УРСС, 2000. С. 179–192.
- 35. Жилякова Э.М. Проблема духовно-нравственного воспитания личности в переписке В.А. Жуковского и А.П. Елагиной // Православие и развитие духовной культуры в Сибири (к 400-летнему юбилею г. Томска и 200-летию Томской губернии): материалы духовно-исторических чтений в честь святых равноапостольных Кирилла и Мефодия: в 2 т. Томск: Изд-во Том. ЦНТИ, 2004. Т. 2. С. 109–113.
- 36. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 523 с.
- 37. Tourguéniev I. L'Infortunée. Le Roi Lear de la steppe. L'Exécution de Tropmann. Mazon. 26. M. 12 : manuscrits parisiens // Bibliothèque nationale de France. Département des Manuscrits. 1801–1900. Slave 85. Manuscrits parisiens XII.
- 38. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. «Германия туманная» // Онегинская энциклопедия : в 2 т. М. : Русский путь, 1999. Т. 1. С. 231–234.
- 39. Янушкевич А.С. Мотив луны и его русская традиция в литературе XIX века // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1995. С. 53–61.
- 40. Канунова Ф.З. Вопросы мировоззрения и эстетики В.А. Жуковского (по материалам библиотеки поэта). Томск : Изд-во Том. унта, 1990. 182 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 27 февраля 2018 г.

V. ZHUKOVSKY AND I. TURGENEV (TO THE QUESTION OF CREATIVE CONTINUITY)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta-Tomsk State University Journal, 2018, 430, 5-14.

DOI: 10.17223/15617793/430/1

Ivan O. Volkov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wolkoviv@gmail.com

Keywords: V. Zhukovsky; I. Turgenev; "On Melancholy in Life and Poetry"; "Slavianka"; "A Lear of the Steppes".

The article describes the assimilation of Russian romanticism discoveries by I. Turgenev. The moment of writer's creative interaction with the lyric and epic tradition of V. Zhukovsky is examined. The famous coeval was a living classic for Turgenev that is why he had a special attitude to him. The poet, whose literary work marked a whole epoch in Russian literature and whose language made an important part of the Russian poetic language, was an ideal of the high art of writing for Turgenev. The story "A Lear of the Steppes" (1870) gives an exceptional material for research work of this creative continuity. First of all, the emotional connection of the main character with the theoretical theses of the article "On Melancholy in Life and Poetry" (1846) is very significant. Turgenev makes the way of "A Lear of the Steppes" a spiritual movement mostly according to Zhukovsky's philosophic trajectory. The qualitative gradation of his psychological state from solitary melancholy to sorrow and furious negation is obviously concerned with the content of Zhukovsky's article. The author's attitude in the story is also similar to Zhukovsky's one. They also consider the moral development of a person, their "spiritual education" in a close connection with the art sphere. Turgenev, like Zhukovsky, does not accept an excessive ascetic ideas and studies about the meaning of life and death, about the nature of the soul. The elegiac tonality of nature in Turgenev's story is another aspect of comparative analysis. The picturesque image made by Turgenev has an explicit imprint of Zhukovsky's romantic discoveries. The storyteller's movement in the grove, connected with meditation and description, refers to Zhukovsky's poetry. First of all, the creative continuity of the images consists in the pictorial character of writing, in the creation of a substantial nature image. Turgenev's lyric character notices the smallest nature and the natural world manifestation very carefully and actively conveys their dynamics. This fact is also connected with the "material plasticity" of Zhukovsky's elegiac image. Secondly, the similarity of the sensory perception of the travelling subject turns out to be significant. The elegiac tonality of the landscape frames the specifics of the spiritual experiences of the direct observer. Ultimate listening to and careful gazing into the life processes of the natural world, which are in close contact with the sensations of the soul, give the person the opportunity to understand the lost harmony and to accept it for a moment. In the concrete world view of Turgenev's character the "atmosphere of mysterious premonitions" embracing the lyric character of the elegy "Slavianka" (1815) is embodied through a bright clarifying detail – the sad fate of the fallen knot.

REFERENCES

- 1. Yampol'skiy, I.G. (1970) Poesiya I.S. Turgeneva [Poetry of I.S. Turgenev]. In: Turgenev, I.S. Stikhotvoreniya i poemy [Verses and poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
- 2. Zakharchenko, N.A. (2005) *Liricheskoe nachalo v tvorchestve I.S. Turgeneva 40–50-kh godov XIX veka* [Lyrical principle in I.S. Turgenev's works of the 1840s–1850s]. Philology Cand. Diss. Samara.
- 3. Dubinina, T.G. (2011) Pushkinskie traditsii v tvorchestve I.S. Turgeneva 1840-kh nachala 1850-kh godov [Pushkin's traditions in in I.S. Turgenev's works of the 1840s early 1850s]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- Toporov, V.N. (1981) "Sel'skoe kladbishche" Zhukovskogo: k istokam russkoy poezii ["A Rural Cemetery" by Zhukovsky: to the origins of Russian poetry]. Russian Literature. X. pp. 207–286.
- 5. Smirnova, E.A. (1987) Zhukovskiy i Gogol'. (K voprosu o tvorcheskoy preemstvennosti) [Zhukovsky and Gogol. (On the issue of creative continuity)]. In: Iezuitova, R.V. (ed.) Zhukovskiy i russkaya kul'tura [Zhukovsky and Russian culture]. Leningrad: Nauka.
- 6. Efimenko, K.A. (2014) [Transformation of the content and poetics of the motive of the evening in the lyrics of I.S. Turgenev]. Sbornik nauchnykh statey Mezhdunarodnoy konferentsii "Lomonosovskie chteniya na Altae": fundamental'nye problemy nauki i obrazovaniya [Collection of articles of the International Conference "Lomonosov Readings in the Altai": fundamental problems of science and education]. Barnaul: Altai State University. pp. 2145–2150. (In Russian).
- 7. Ayupov, S.M. (1998) [Lyrical and romantic traditions of Zhukovsky in the artistic world of I.S. Turgenev. "The Noble Nest"]. *Romantizm i ego istoricheskie sud'by* [Romanticism and its historical destinies]. Proceedings of the international conference (VII Gulyaev Readings). May 13–16, 1998: in 2 parts. Part 1. Tver: Tver State University. pp. 83–87. (In Russian).
- 8. Shchukin, V.G. (2014) The Still Angel. On the history of one of the constant motifs of Russian literature. Article Two. The Ineffable: from Zhukovsky to Turgenev. *Imagologiya i komparativistika Imagology and Comparative Studies*. 2. pp. 70–91. (In Russian).
- 9. Movnina, N.S. (2000) Poetika turgenevskoy povesti 1850-kh godov: k probleme vzaimodeystviya poezii i prozy v russkoy literature [Poetics of Turgenev's story of the 1850s: the problem of the interaction of poetry and prose in Russian literature]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
- 10. Leskov, N.S. (1958) Sobranie sochineniy: v 11 t. [Works: in 11 vols]. Vol. 10. Moscow: GIKhL. pp. 72-96.
- 11. Veselovskiy, A.N. & Zhukovskiy, V.A. (1904) *Poeziya chuvstva i "serdechnogo voobrazheniya"* [Poetry of feeling and "heart imagination"]. St. Petersburg: tip. Imp. Akad. nauk.
- 12. Fridman, N.V. (1969) Poemy Turgeneva i pushkinskaya traditsiya [Turgenev's poems and Pushkin's tradition]. *Izvestiya AN SSSR. Ser. literatury i yazyka*. XXVII:3. pp. 232–243.
- 13. Glukhov, A.I. (1981) Lermontovskaya traditsiya i poemy I.S. Turgeneva [Lermontov's tradition and Turgenev's poems]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki*. 6. pp. 11–18.
- 14. Nikolaev, N.I. (2004) "Manfred" Bayrona i "Steno" Turgeneva. K voprosu o kharaktere podrazhaniya russkogo pisatelya ["Manfred" by Byron and "Steno" by Turgenev. On the nature of the imitation of the Russian writer]. In: Esyukov, A.I. & Lizunov, P.V. (eds) *Problemy kul'tury, yazyka, vospitaniya* [Problems of culture, language, education]. Is. 6. Arkhangelsk: PGU. pp. 86–90.
- 15. Gutman, D.S. (1959) Turgenev i Gete [Turgenev and Goethe]. *Uchenye zapiski Elabuzhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 5. pp. 149–183.
- 16. Byalyy, G.A. (1990) Russkiy realizm. Ot Turgeneva k Chekhovu [Russian realism. From Turgenev to Chekhov]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
- 17. Grazhis, P.I. (1966) Turgenev i romantizm [Turgenev and romanticism]. Kazan: Kazan State University.
- 18. Pustovoyt, P.G. (1987) I.S. Turgenev khudozhnik slova [I.S. Turgenev, the artist of the word]. Moscow: Moscow State University.
- 19. Belinskiy, V.G. (1955) Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t. [Complete works: in 13 vols]. Vol. 6. Moscow: USSR AS.
- 20. Turgenev, I.S. (1981) Polnoe sobranie sochinenty i pisem: v 30 t. Pis'ma: v 18 t. [Complete works and letters: in 30 vols. Letters: in 18 vols]. Moscow: Nauka.
- 21. Turgenev, I.S. (1978–1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t.* [Complete works and letters: in 30 vols. Compositions: in 12 vols]. Moscow: Nauka.
- 22. Levin, E.N. & Pavlov, L.A. (2012) "Tvoy drug i mat' Varvara Turgeneva": pis'ma V.P. Turgenevoy k I.S. Turgenevu (1838–1844) ["Your friend and mother Varvara Turgeneva": letters of V.P. Turgeneva to I.S. Turgenev (1838–1844)]. Tula: Grif i K.
- 23. Seidlitz, K. (1870) Wasily Andrejewitsch Joukoffsky. Ein russisches Dichterleben [Vasily Andreyevich Zhukovsky. A Russian poet's life]. Mitau: E. Behres Verlag.
- 24. Krasnoborod'ko, T.I. (2012) "Zhal' kol'tsa..." (nevostrebovannyy dokument o sud'be pushkinskogo perstnya-"talismana") ["It is a pity about the ring..." (an unclaimed document about the fate of Pushkin's "talisman" ring)]. In: Tsar'kova, T.S (ed.) Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 2011 god [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House for 2011]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
- 25. Efimenko, K.A. (2014) V.A. Zhukovskiy i I.S. Turgenev: dva "Vechera" [V.A. Zhukovsky and I.S. Turgenev: two "Evenings"]. Kommunikativnye aspekty yazyka i kul'tury [Communicative aspects of language and culture]. Proceedings of the XIV International conference of students and young scientists. Pt. 1. Tomsk: Tomsk Polytechnic University. pp. 90–95. (In Russian).
- 26. K[Online] Available from:yandskaya, G.B. (2006) Romantika v realisticheskikh proizvedeniyakh I.S. Turgeneva [Romance in the realistic works of I.S. Turgenev]. In: Levina, E.N. (ed.) *Spasskiy vestnik 13* [Spassky Herald 13]. Spasskoe-Lutovinovo: Grifi K, pp. 4–15.
- 27. Semenko, I.M. (1975) Zhizn' i poeziya Zhukovskogo [Life and poetry of Zhukovsky]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- 28. Shakespeare, W. (1857) Korol' Lir: tragediya v pyati deystviyakh Shekspira [King Lear: a tragedy in five acts of Shakespeare]. Translated into Russian by A.V. Druzhinin. St. Petersburg: V tipografii Glavnago shtaba Ego Imperatorskago Velichestva po voenno-uchebnym zavedeniyam.
- Gillel'son, M.I. (1980) Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo (1842–1852) [Correspondence of P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky (1842–1852)]. In: *Pamyatniki kul'tury: novye otkrytiya: ezhegodnik 1979* [Cultural Monuments: New Discoveries: Yearbook 1979]. Leningrad: Nauka. pp. 34–75.
- 30. Yanushkevich, A.S. (2012) Primechanie k stat'e V.A. Zhukovskogo "O melankholii v zhizni i v poezii" [Note to the article by VA. Zhukovsky "On Melancholy in Life and in Poetry"]. In: Zhukovskiy, V.A. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 12. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 31. Zhukovskiy, V.A. (1999-cont.) Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t. [Complete works and letters: in 20 vols]. Moscow: Yazyki slavyanskov kul'turv.
- 32. Staël, G. (1989) O literature, rassmotrennoy v svyazi s obshchestvennymi ustanovleniyami [On literature, considered in connection with public institutions]. Translated from French by V.A. Milchina. Moscow: Iskusstvo.
- 33. Volkov, I.O. (2017) The ideas of the Russian masonry in I. Turgenev's works of the 1870s. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta Tomsk State University Journal. 415. pp. 5–11. DOI: 10.17223/15617793/415/1
- 34. Yanushkevich, A.S. (2000) V.A. Zhukovskiy i masonstvo [V.A. Zhukovsky and Masonry]. In: Sakharov, V.I. (ed.) *Masonstvo i russkaya literatura XVIII nachala XIX vv.* [Masonry and Russian literature of the 18th early 19th centuries]. Moscow: URSS.

- 35. Zhilyakova, E.M. (2004) Problema dukhovno-nravstvennogo vospitaniya lichnosti v perepiske V.A. Zhukovskogo i A.P. Elaginoy [The problem of spiritual and moral education of a person in the correspondence between V.A. Zhukovsky and A.P. Elagina]. In: *Pravoslavie i razvitie dukhovnoy kul'tury v Sibiri (k 400-letnemu yubileyu g. Tomska i 200-letiyu Tomskoy gubernii): mater. dukhovno-istoricheskikh chteniy v chest' svyatykh ravnoapostol'nykh Kirilla i Mefodiya: v 2 t.* [Orthodoxy and the development of spiritual culture in Siberia (to the 400th anniversary of Tomsk and the 200th anniversary of Tomsk Province): Proceedings of the religious historical readings in honor of the Holy Equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius: in 2 vols]. Vol. 2. Tomsk: Izd-vo Tom. TsNTI.
- 36. Yanushkevich, A.S. (2006) V mire Zhukovskogo [In the world of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
- 37. National Library of France. Department of Manuscripts. 1801–1900. Slavic 85. Paris Manuscripts XII. Mazon. 26. M. 12: Paris Manuscripts. Tourguéniev, I. L'Infortunée. Le Roi Lear de la steppe. L'Exécution de Tropmann [The Unfortunate. A Lear of the Steppes. The execution of Tropmann]. (In French).
- 38. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (1999) "Germaniya tumannaya" ["Foggy Germany"]. In: Mikhaylova, N.I. (ed.) *Oneginskaya entsiklope-diya:* v 2 t. [Onegin encyclopedia: in 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Russkiy put'.
- 39. Yanushkevich, A.S. (1995) Motiv luny i ego russkaya traditsiya v literature XIX veka [The motif of the moon and its Russian tradition in the literature of the 19th century]. In: Romodanovskaya, E.K. & Shatin, Yu.V. (eds) *Rol' traditsii v literaturnoy zhizni epokhi. Syuzhety i motivy* [The role of tradition in the literary life of the era. Plots and motives]. Novosibirsk: Institute of Philology, SB RAS.
- 40. Kanunova, F.Z. (1990) *Voprosy mirovozzreniya i estetiki V.A. Zhukovskogo (po materialam biblioteki poeta)* [Issues of ideology and aesthetics of V.A. Zhukovsky (based on the library of the poet)]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 27 February 2018